

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-112; 811.11–112; 81-13; 81'23

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

**История языка
как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы
в интерпретации исторических процессов:
к вопросу о методах) *
Статья вторая**

Статья посвящена рассмотрению методологических аспектов междисциплинарности. Уточняется смысл и содержание междисциплинарного подхода применительно к истории языка. Автор допускает постановку научно-исследовательских и лингводидактических проблем инвентаризации, систематизации и периодизации исторических процессов в междисциплинарном аспекте. Этнокультурная (социальная) идентичность представляет собой одну из ключевых тем, объединяющих как интересы ученых в междисциплинарных исследованиях, так и интересы специалистов, решающих прикладные задачи в образовании.

Ключевые слова: междисциплинарность в лингвистике, ее значимость в построении лингвистических теорий, применение лингвистических знаний в междисциплинарном аспекте, инвентаризация, систематизация и периодизация исторических изменений в языке, постановка научно-исследовательских и лингводидактических проблем, этнокультурная (социальная) идентичность.

*Светлой памяти Вульфа Яковлевича Плоткина,
ученого и учителя*

Одним из очевидных и наиболее существенных проявлений междисциплинарности в научных исследованиях можно считать особый *ракурс рассмотрения*

* В статье приводятся результаты работы по проекту, выполненному при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12059в «Информационная исследовательская база современного русского языка по материалам массового ассоциативного эксперимента»).

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; i.shaposhnickowa@yandex.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 1
© И. В. Шапошникова, 2015

объектов. Ракурс зависит от цели исследования. Так, при исследовании триады ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЭТНОС мы можем объединить ее компоненты понятием «семиотика жизни народа», что задает ракурс систематизации процессов, обусловленных взаимодействием этих объектов. Этот ракурс в данном случае опирается на семиотический инструментарий, выводя в фокус внимания знаковые аспекты функционирования столь сложных объектов. При этом взаимодействие названных объектов не поддается адекватному описанию с опорой только на внутрисистемные характеристики каждого из них, и уж тем более не является суммой таких характеристик и их моделей, изученных по отдельности, «в чистом виде». Поэтому в междисциплинарных исследованиях всегда остро встает вопрос о методе.

Выбор метода диктуется сложной природой объектов исследования и ракурсом их рассмотрения. Нейролингвистические подходы к языку в свете недавних открытий нейронауки (см. обзор в предыдущей статье [Шапошникова, 2014a]) могут, как нам представляется, расширить возможности экспериментальных методик применительно к поиску нейрофункционального субстрата целого ряда лингвистических явлений, что, в свою очередь, способно подкрепить суждения лингвистов о статусе, таксономии, характере исторического развития и функциональных особенностях конкретных языковых единиц и подсистем, вплоть до специфики обращения с ними в языковой практике. Определенный интерес в этом плане представляют исследования глагольных единиц, основанные на признании частичной общности нейрофизиологического субстрата семантической и двигательной систем человека как базы для восприятия и понимания речи [Taylor, Zwaan, 2008]. Регулярная активизация двигательных нейронов (или ее отсутствие) в ответ на разного рода смещение семантического фокуса в структуре предъявляемого речевого материала подтверждает наличие такой связи.

Нейрофизиологический ракурс исследования триады ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЭТНОС, вероятно, должен будет исходить из своего рода *нейромодели идентичности*. Подходы к созданию такой модели уже наметились, например, в работах Витторио Галезе [Gallese, 2008; 2009 et al.], где ставится задача описать нейронные механизмы возникновения социальной идентичности. Речь идет, таким образом, о телесной воплощенности (нейрофункциональном субстрате) идентичности. Автор приходит к мысли о том, что идентичность включает в себя *сферы действий, ощущений, аффектации и эмоций*, поскольку все эти сферы объединены при формировании идентичности активизацией одних и тех же нейронных систем. Это основа общего межсубъектного пространства (the shared intersubjective space), в котором человек пребывает с самого рождения [Gallese, 2009, p. 520]. Смысловая сторона всех упомянутых сфер (как люди действуют, какие у них намерения и установки, что они ощущают и чувствуют при этом) как основа межличностных связей в общем пространстве автоматически находит воплощение в телесных реакциях человека. Открытие зеркальных нейронных систем показывает, что одни и те же нейронные системы активируются и когда самим субъектом *совершаются* конкретные акты-манифестации этих сфер, и когда они просто *наблюдаются* им. Таким образом, можно вести речь о закреплённом (воплощённом) в нейронных сетях «МЫ-центричном» пространстве (we-centric space). Автор также считает, что этот общий функциональный механизм, своего рода воплощенная в теле имитативность (embodied simulation), опосредует нашу способность разделять (понимать) с окружающими нас людьми смысл действий, установок, намерений, чувств и эмоций, формируя идентичность как многоуровневую связанность индивидов, их принадлежность к МЫ-центричному пространству (we-ness) [Ibid.]. Нейрофизиологический подход позволяет отказаться от упрощенных, чисто менталистских (ставших, впрочем, очень популярными) трактовок идентичности. Последние решительно отвергаются В. Галезе как гра-

ниченные, упрощенные и произвольные [Gallese, 2009, p. 526]. К сходным упрощенным, схематичным трактовкам можно отнести, как нам думается, ставшие многочисленными описания различных (часто придуманных) ментефактов (цептов).

Если бы идентичность не формировалась в онтогенезе и не имела нейрофункционального субстрата, то можно было бы, вероятно, с помощью логической аргументации на чисто ментальном (концептуальном) поверхностном уровне «перекладывать» любого русского в англичанина и наоборот. Довольно плодотворным для научных дискуссий о путях эволюции представляется нам остроумный подход со стороны так называемой миметики, инициированный и популяризованный биологом Р. Докинзом [Dawkins, 1976; Idem, 2006, p. 189–201]. Усматривая самые прямые аналогии с генетикой, автор создает роскошные и яркие метафоры, что находит отражение и в понятийно-терминологическом аппарате. Введенный им термин *мим* (*мем*) применяется для единицы, ведущей себя аналогично гену, но функционирующей в качестве единицы анализа культуры. Мим трактуется автором как единица активная, которая способна «эксплуатировать культурное окружение в свою пользу» [Dawkins, 2006, p. 199]. Практически любые семиотические проявления культуры могут передаваться через мимы как *единицы имитации*. Передача культурного наследия (репликация мимов, в терминах автора теории) осуществляется через слова, музыку, искусство и т. п. Как ген выживает в генофонде, так и мим выживает в мимфонде. При этом выживаемость хорошего мима (такого, например, как идея Бога), входящего в мимфонд, обуславливается его большой психологической привлекательностью [Ibid.]. Идеи Р. Докинза оригинальны, смелы и побуждают читателя к размышлению и к дискуссиям, что полезно для развития науки, однако в теоретическом плане они дают несколько упрощенную картину. В качестве носителей мимов Р. Докинз видит человеческий мозг и различные технико-информационные средства, способные транслировать (размножать, воспроизводить и передавать) смысловые единицы (мимы). Автор постоянно подчеркивает активность мимов, которые могут «захватить» мозг другого человека и таким образом оказать влияние на него [Ibid., p. 192]. Здесь кроется опасность упрощенности данного подхода, которая представляется нам в подмене знакотворчества как процесса самим знаком. Это может привести к переоценке внешней (семиотической) формы культуры и игнорированию внутреннего динамического напряжения (того, что Л. Н. Гумилев называл «пассионарным напряжением» этнической системы [Гумилев, 1994, с. 332]). Творческими плодами такого напряжения могут стать мимы разного рода и мимфонды, за которыми будут стоять совместные (многоуровневые и разнообразные) формы бытия и опыта пребывания в едином со-бытийном пространстве и месте развития. Именно поэтому, вероятно, можно, вбрасывая чужие идеологемы, посеять хаос в головах, до какого-то времени манипулируя массовым сознанием народа, как и делают некоторые циничные политики, но получить доверие людей и включиться в их деятельность для решения реальных проблем этого народа таким образом нельзя. Поэтому нейрофизиологический подход представляется нам более оправданным и более достоверным применительно к пониманию природы столь сложного процесса, как идентичность и связь ее трансформаций с историческими изменениями в языке. В миметике Р. Докинза, как неоднократно подчеркивал сам автор в издании 2006 г., одной из главных мыслей является представление о возможных иных (не только признанных биологами генетических) путях (видах) эволюции [Dawkins, 2006, p. 194]. Эта мысль, а также все чаще звучащая в научном дискурсе мысль о возможных параллельных эволюциях, важны для исследователей сознания. Куда может быть направлена эволюция идеальной сферы, если она имеет место, может ли она иметь нравственные задачи? А может там какие-то совершенно иные законы?

В российской традиции научного и философского объяснения феномена этничности (социальной идентичности) предприняты холистичные подходы. Например, собранные и переизданные сегодня в разных форматах провидческие работы Н. С. Трубецкого [2007], теория этногенеза Л. Н. Гумилева [1994; 1997], в которой феномен, получивший у В. Галезе название «интерсубъектной связанности», осмысляется через метафору поля с пассионарным напряжением¹; через метафору этнической картины мира он осмыляется у С. В. Лурье [1998 и более позд. изд.], где фиксируются тем не менее все сферы жизни народа, не сводимые к ментальным сущностям. Психолингвистические теории речевой деятельности, структуры сознания в целом и языкового сознания в особенности выделяют материальный субстрат сознания и решают те же самые проблемы, что и нейронаука с другого ракурса рассмотрения. Структура сознания в психолингвистическом ракурсе основывается на со-функционировании бытийного (с биодинамической тканью движений и действий, чувственной тканью образа) и рефлексивного слоев (значение и смысл) [Леонтьев, 2005, с. 91–104; Зинченко, 1988; 2008]. Этническое (социальное) сознание представляет собой сложную смысловую структуру, укорененную в бытии народа. Поэтому и язык, будучи орудием формирования сознания и средством выведения его вовне, может выполнять как функцию этнокультурного идентификатора, так и орудия сотворения этнокультурной (социальной) идентичности и передачи традиции². Применительно к нашей задаче теоретического обоснования систематизации исторических процессов важно осознать, что самыми разными науками, которые в той или иной мере фиксируют в качестве своего предмета исследования *языковые процессы*, отмечается и доказывается их *зависимость*, как и *глоттогенеза* в целом, от *культурных, этнических, идентификационных факторов*. Такая зависимость все в большей степени получает вполне конкретное и точное научное обоснование и не является более лишь делом интуиции или общих философских рассуждений. Это означает, что систематизация языковых изменений в курсе истории языка не может обладать достаточной объяснительной силой без учета данных факторов.

Одним из ярких проявлений междисциплинарности в лингвистике было и остается использование методов, приемов и технологий исследования, а также методов, приемов и технологий описания (интерпретации), позаимствованных у других наук. Такие подходы привели к возникновению относительно новых лингвистических дисциплин, изначально междисциплинарных по своей природе. Сюда можно отнести экспериментальные психологические методы (психолингвистика), социологические методы и приемы (социолингвистика), различные математические методы моделирования языковых процессов, математические приемы обработки текстовой информации, в особенности смысловое сжатие (развертывание), преобразование текста и многое другое. Особенно много делается в совре-

---

¹ «Этническое поле – поле поведения и аттрактивности членов этнической системы, возникающее на основе пассионарного поля» [Гумилев, 1994, с. 611]. Лев Николаевич видел в этнологии науку, обрабатывающую гуманитарные материалы методами естественных наук [Там же, с. 336]. Вероятно, в наше время, когда такая практика в науке перестала быть редкостью, и теория пассионарности не показалась бы научному миру столь эпатажной, какой она многим представлялась в прошлом веке.

² Ср. с высказываниями В. П. Зинченко: «На первых стадиях развития ребенка слово рождается как внутренняя форма движения, действия и образа. Когда слово выступает вовне, оно в качестве своей внутренней формы несет действие и образ, в лоне которых оно первоначально зарождалось и развивалось» [Зинченко, 2008, с. 101]; «Слово сопутствует человеку с момента рождения и до того, как проявиться во всей пышной красе (или уродстве) своих внешних форм, оно проникает, если угодно, интериоризируется или интроецируется во внутренние формы движений, действий, образов, аффектов ребенка» [Там же, с. 116].

менной лингвистике для сохранения и упорядочения текстов на различных языках мира. Компьютерные технологии позволяют оперировать большими базами данных и профессионально размеченными корпусами текстов, что во много раз повышает возможности исследователя в охвате текстового материала, помогает избежать лишних ошибок и имеет массу других преимуществ, в том числе при овладении иностранным языком, в особенности в отсутствие прямого контакта с иноязычной средой. Новые технологии не только помогают оперативно и основательно собирать данные по самым разным языкам мира, но и постоянно их обновлять, совершенствовать способы подачи информации, повышая качество представления лингвистических знаний. Хорошим примером ресурсов такого рода является «Атлас языковых структур в языках мира» [The World Atlas... Online, 2013]³.

Атлас может оказать историку неоценимую помощь в *построении моделей типологических преобразований языков*. Этот ресурс важен для изучения разных языков (преимущественно иностранных для постсоветской России и некоторых распространенных на ее территории) в теоретическом аспекте, поскольку в нем приводится информация о ключевых типологических параметрах многих языков мира в привязке к месту их функционирования и развития. Строевые параметры языков описываются через конкретные типы наблюдаемых в них структур, что сопровождается сравнительным анализом, статистическими данными и картированием ареальной специфики. Ценность такого наглядного представления информации заключается в том, что пользователю становится очевидна возможность свести внешнее разнообразие функционально сходных типов (а также их становление) к определенному набору моделей. Так, согласно атласу, перфект в разных языках мира может образовываться на основе конструкций с «be», «have», а также «finish» или «already» [Dahl, Velupillai, 2013]. Авторы отмечают, что перфекты, развившиеся из посессивных конструкций, преобладают почти исключительно на территории Европы, причем восходят к переходным посессивным конструкциям (как английский «have»), характерным для западноевропейского ареала [Ibid.]. Исследователям также удастся показать на карте локальные процессы преобразования перфектных моделей (например, в формы прошедшего или перфективы) (Карта 68.1: «‘Have’ perfects in Europe» [Ibid.]). Работа с такой информацией в атласе поможет историку и типологу оценить *устойчивость, степень универсальности и повторяемость процессов*, которые проливают свет на *причинный механизм развития наблюдаемых типов*. Создать такой продукт в открытом доступе для специалиста можно было только с привлечением приемов и методов описания из разных отраслей науки в содружестве лингвистов из разных стран мира.

Статистические методы анализа и моделирования используются даже и в современной лингвистике не так часто. Одним из интересных по своим результатам исследований такого рода стало применение математической статистической методики (теории скрытых марковских моделей) для верификации моторной теории восприятия (распознавания) речи [Moulin-Frier, Arbib, 2013]. Исследование выполнялось на материале образцов английской речи иностранцев, которые предъявлялись носителям языка. Насколько можно судить по тексту статьи, авторам удалось показать, что при восприятии речи и понимании ее слушателю свойственно опираться не на фактические признаки речи говорящего, а на свою собственную систему родного языка. Эволюционный подход авторов к проблеме зеркальных нейронов (см. выше) и генезису речевой способности человека в целом помог им найти объяснение парадокса, который появлялся при последовательном применении постулатов моторной теории к практике восприятия речи иностранцев. Поскольку, как предполагалось в рамках этой теории, восприятие требовало

---

³ Ср. также книжный вариант: [The World Atlas..., 2005].

зеркальной имитации артикуляторных движений говорящего, невозможно с помощью этой теории объяснить феномен, отмеченный в условиях дополнительных помех, когда, например, воспринимается речевое произведение в исполнении иностранца со специфичным акцентом. Тем не менее дальнейшее понимание становится возможным после того, как носитель языка справился с несколькими начальными фразами (высказываниями), услышанными от иностранца [Ibid.]. Применение методов математической статистики помогло построить вероятностные модели распознавания речи и уточнить механизм работы сложной (комплексной) имитации, связанный с природой зеркальных нейронов и их взаимодействием с другими системами мозга, что подразумевает, как утверждают авторы, опору на слуховые системы распознавания в норме (при восприятии нормативной речи носителя языка) и включение двигательных систем нейронов при столкновении с проблемной ситуацией. Оказалось, что восприятие речи не обязательно включает в себя узнавание двигательных актов, однако *роль зеркальных систем в распознавании артикуляторных движений резко возрастает при искажении речевых сигналов* (как в случае с иностранным акцентом или при предъявлении несуществующего в языке слова). В этих случаях восприятие слушателя опирается на его собственную фонологическую систему (родного) языка [Ibid.]. Вероятно, последняя служит своего рода эталоном при распознавании акцентированной речи.

Из приведенных примеров использования математического моделирования и других нелингвистических методов можно заключить, что различные области исследования упомянутых в начале нашей статьи лингвистических объектов могут быть связаны между собой, на первый взгляд, самым причудливым образом. Однако современная лингвистика располагает позитивными примерами реализации *синкретичных* подходов, в которых языковеды исходят из необходимости учесть данные, поступающие от разных наук при описании разных граней лингвистических объектов. Такой подход характерен для некоторых направлений американской лингвистики. В частности, в программной работе «Язык как сложная адаптивная система» авторы устанавливают в качестве исходной позиции междисциплинарный подход [Beckner et al., 2009]. Суть его сводится к трактовке языка как сложной адаптивной системы. Под сложной адаптивной системой здесь, как нам думается, понимается отнюдь не система языка со стороны ее внутренней организации, а скорее, язык как открытая система вместе с тем, что можно было бы назвать его «вместилищем» (совокупностью систем иного рода, которые по природе вещей взаимодействуют с языком и друг с другом). Объектом лингвистических исследований при таком подходе становятся не только и не столько сами по себе языковые структуры и субстанция, сколько их динамический, меняющийся и многомерный облик со стороны их обусловленности опытом человека, социальным взаимодействием и когнитивными механизмами. Авторы такого подхода стремятся максимально учесть условия функционирования языка, объединяя все, что влияет и на его использование, и на усвоение, и на языковые изменения. Они считают, что такой синкретичный подход вскрывает общность их позиций во многих областях исследования языка, включая усвоение родного и иностранного языков, историческую лингвистику, психолингвистику, эволюцию языковой способности и компьютерное моделирование [Ibid., p. 2].

Наиболее последовательно эти принципы воплощаются в жизнь в работах замечательного американского лингвиста Джоан Байби. Здесь нам хотелось бы особо отметить ее значимые для истории языка работы, в которых описывается процесс *возникновения* грамматики, строятся динамические модели языковых изменений со стороны вызвавших их факторов [Bybee, 2002; 2003; 2013]. Например, проводится глубокий анализ частотности как предположительно универсального фактора, участвующего в образовании грамматики. По сути, создается стройная теория частотности в различных ее аспектах применительно к историче-

ским изменениям в языке (таким как распределение фонетических изменений в лексике, грамматикализация с участием высокочастотных лексических единиц и многое другое). При этом автор опирается в своих исследованиях среди прочего на нейрофизиологические данные, которые помогают соотнести языковые процессы не только с когнитивными репрезентациями, но и с нейросубстратом частотности [Bybee, 2010]. Очевидна зависимость скорости изменения слов от частотности их использования. Работы Дж. Байби и полученные ею результаты позволяют выносить более точные суждения о роли этого фактора применительно к конкретному языку по сравнению с более общими данными ранних лексикостатистических работ. Известны также прецеденты количественных исследований, в которых на основе частотных параметров строится модель хронологии какого-то языкового изменения, например, такого исторического процесса (охватывающего практически всю историю английского языка), как утрата продуктивности у основанной на внутренней флексии модели претерита сильных (неправильных) глаголов и их постепенного перехода в правильные [Lieberman et al., 2007]. Эти работы высвечивают, как нам думается, особую значимость частотности для построения теоретических подходов к инвентаризации исторических изменений, которые подлежат рассмотрению в курсе истории языка.

Частотность (коль скоро она имеет нейрофизиологический субстрат) может стать одним из связующих звеньев при выявлении *активной грамматики*, то есть той *актуальной грамматики*, которая фиксируется экспериментально с помощью моделей ассоциативно-вербальной сети, полученных в массовом ассоциативном эксперименте⁴. Данные современных ассоциативно-вербальных моделей могут найти применение не только в лингводидактике и в общей теории, но и в истории языка, хотя бы в плане оценки устойчивости исторически детерминантных (сквозных) разноуровневых адаптивных процессов и актуальности их результатов для языкового сознания современных носителей языка. Хорошую службу исследователю и преподавателю могла бы сослужить лингвистическая и лингводидактическая разметка имеющихся ассоциативных баз [Шапошникова, 2014б]. Однако эти вопросы столь существенны, что их следует рассмотреть в отдельной статье.

Подводя итоги нашему небольшому экскурсу в междисциплинарность с лингвистически значимыми результатами применительно к истории языка, следует заметить, что актуальными в междисциплинарном аспекте становятся не только вопросы *систематики исторических фактов*, но и *выявления единиц анализа* в языке, *инвентаризации языковых изменений* и их *хронологии*, а также *периодизации* самой истории языка. Подбор учебного материала, уход от избыточной детализации без ущерба для научной обоснованности в этой связи не такая уж и простая прикладная задача.

Очевидно, что новые технологические возможности в хранении и обработке текстов (позволяющие, в частности, отслеживать изменения на очень малых промежутках времени), статистические модели и параметры языковых изменений, оценка их релевантности по отношению к современным языковым явлениям позволяют со временем строить более точные периодизации истории конкретных языков. Направления поиска нейронауки и генетики позволят, как нам думается, более оптимистично взглянуть на научное обоснование соотношений филогенеза,

---

⁴ Имеется в виду активная грамматика в том смысле, который ей придавал Ю. Н. Караулов [1999; 2010]. Хороший пример исследования активной грамматики можно найти в работе Н. В. Уфимцевой [2011, с. 6–80]. Автор реализует синкретичный подход к исследованию падежной системы русского языка с учетом частотности грамматических единиц и применительно к процессу овладения грамматикой в онтогенезе (в норме и при патологии).

онтогенеза, глоттогенеза, культуругенеза, этногенеза. Последнее очень важно для описания истории языка в этнокультурном контексте.

Уже имеющиеся в распоряжении лингвиста знания, связанные, например, с историей английского языка, претерпевшего существенную трансформацию своего строя, позволяют систематизировать языковые изменения на историко-типологической основе (как раз по контурам, намеченным в работах В. Я. Плоткина, который рассматривал продуктивность языковых структур как типологически релевантную характеристику). Продуктивность языковых единиц (тесно связанная с частотностью в разных ее аспектах) и становится главным фактором в инвентаризации и оценке релевантности исторических изменений при таком подходе [Шапошникова, 2009]. Малодоступные для наблюдения чисто лингвистическими методами, более сложные связи языковых изменений с этнокультурными процессами нуждаются в более детальной междисциплинарной проработке. Одно из направлений научного поиска, способное сблизить интересы ученых из разных отраслей в решении этой задачи, касается исследования идентичности. Одновременно здесь, как нам думается, кроется и ответ на вопрос о том, можно ли осуществить прикладной подход к истории языка. Что мог бы значить такой подход, например, при изучении истории иностранного языка? Ограничение фактического материала (вместе с учебными часами в целях изгнания «лишней» теории) до неприличного минимума, что практикуется повсеместно с переходом на бакалавриат? Разум подсказывает, что этот путь тупиковый. Для истории языка прикладной аспект, вероятно, среди прочего заключается в том, что знания из истории языка могут использоваться за ее пределами. Где именно? Актуальными в условиях живой межэтнической коммуникации становится не только и не столько практическое освоение иностранных языков, сколько вопросы этнокультурного взаимодействия и понимания, то есть идентичности, которые могут решаться или не решаться (и приводить к серьезным конфликтам и непониманию коммуникантов). Историческое изучение языковых единиц и подсистем, прочитывание древних текстов хорошо мотивировано, когда оно становится средством для познания чего-то большего (становление иной этнической культуры, иной цивилизации, на фоне чего строится самопознание и самопризнание). Однако в таком приближении история языка становится междисциплинарной наукой. Ни лингвистика, ни другие гуманитарные науки, ни естественнонаучные дисциплины сами по себе сегодня не могут дать окончательных ответов на вопрос о том, как урегулировать все время обостряющиеся в разных частях света проблемы идентичности. В силу многогранности самого процесса самоидентификации научный поиск в этом направлении обречен на междисциплинарность. Благо и представители естественных наук обратили, наконец-то, внимание на те объекты, которые традиционно классифицируются как нежелательный субъективный фактор, но уже давно фигурируют в гуманитарных исследованиях.

Список литературы

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли // Свод № 3: Междунар. альманах / Сост. Н. В. Гумилева. М.: Танаис Ди-Дик, 1994.

Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Ди-Дик, 1997.

Зинченко В. П. Проблема «образующих» сознание в деятельностной теории психики // Вестн. МГУ. Сер. 14: Психология. 1988. Т. 3. С. 25–34.

Зинченко В. П. Шепот раньше губ, или Что предшествует эксплозии детского языка // Разумное поведение и язык / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Яз. славянских культур, 2008. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. С. 101–134.

- Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.
- Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл: КДУ, 2005.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1998.
- Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007.
- Уфимцева Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. Москва; Калуга: Ин-т языкознания РАН; ИП Шилин И. В., 2011.
- Шапошникова И. В.* История английского языка: Учеб. пособие. Новосибирск, Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009.
- Шапошникова И. В.* История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов) // Сибирский филологический журнал. 2014а. № 4. С. 179–188.
- Шапошникова И. В.* К вопросу об инструментарии для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС – русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психолингвистики. 2014б. Вып. 2 (20). С. 28–41.
- Beckner C., Blythe R., Bybee J., Christiansen M. H., Croft W., Ellis N. C., Holland J., Ke J., Larsen-Freeman D., Schoenemann T.* Language is a complex adaptive system: Position paper // *Language Learning* 59: Supp 1.1, Dec. 2009. P. 1–26.
- Bybee J.* Word frequency and context of use in the lexical diffusion of phonetically conditioned sound change // *Language Variation and Change*. 2002. Vol. 14. P. 261–290.
- Bybee J.* Mechanisms of change in grammaticization: The role of frequency // *The Handbook of Historical Linguistics* / B. D. Joseph, J. Janda (Eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Bybee J.* Markedness: Iconicity, economy and frequency // *Handbook of Linguistic Typology* / J. Jung Song (Ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. P. 131–147.
- Bybee J. L.* Usage-based theory and exemplar representation // *The Oxford Handbook of Construction Grammar* / T. Hoffman, G. Trousdale (Eds.). Oxford Univ. Press, 2013. P. 49–69.
- Dahl Ö., Velupillai V.* The perfect // *The World Atlas of Language Structures Online* / M. S. Dryer, M. Haspelmath (Eds.). Leipzig: Max Planck Inst. for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/68> (accessed on 09.11.2014).
- Dawkins R.* *The Selfish Gene*. Oxford Univ. Press, 1976.
- Dawkins R.* *The Selfish Gene: 30th anniversary ed.* Oxford Univ. Press, 2006.
- Gallese V.* Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // *Social Neuroscience*. 2008. Vol. 3, iss. 3–4. P. 317–333.
- Gallese V.* Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*. 2009. Vol. 19, № 5. P. 519–536.
- Lieberman E., Michel J.-B., Jackson J., Tang T., Nowak M. A.* Quantifying the evolutionary dynamics of language // *Nature*. 2007. Vol. 449. P. 713–716.
- Moulin-Frier Cl., Arbib M. A.* Recognizing Speech in a Novel Accent: The Motor Theory of Speech Perception Reframed // *Biological Cybernetics*. 2013. Vol. 107, iss. 4. P. 421–447.
- Taylor L. J., Zwaan R. A.* Motor resonance and linguistic focus // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2008. Vol. 61, iss. (spec.) 6: Grounding Cognition in Perception and Action. P. 896–904.
- The World Atlas of Language Structures* / M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (Eds.) with the collab. of H.-J. Bibiko, H. Jung, C. Schmidt. Oxford Univ. Press, 2005.

The World Atlas of Language Structures Online / M. S. Dryer, M. Haspelmath (Eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info> (accessed on 2014.09.11).

I. V. Shaposhnikova

**History of Language as an Interdisciplinary Science
(General Theoretical Problematic Areas in the Interpretation of Historical Changes)**

The article focuses on some methodological issues of the interdisciplinary approach with reference to historical linguistic theories and their practical value. New theoretical research and linguo-didactic problematic areas are recognized in the interdisciplinary aspects under discussion. Such areas are associated with setting up inventories of language changes and units of analysis (linguistic types), their systematization, and chronology. Ethno-cultural (social) identity is viewed as one of the chief topics of modern interdisciplinary studies where researchers and educationalists may have common interests.

Keywords: Interdisciplinary approaches in linguistics, their theoretical value and practical outputs, new interdisciplinary theoretical and linguo-didactic problematic areas, inventories of linguistic types, systematization and chronology of language changes, ethno-cultural (social) identity.